

Е. А. Цыпанов, Сравнительный обзор финно-угорских языков, Сыктывкар 2008. 216 с.

Появление на свет данного исследования автор в предисловии убедительно объясняет тем обстоятельством, что на русском языке до сих пор не было книги, где бы в краткой форме давались самые основные сведения о финно-угорских языках. Общие работы энциклопедического характера были изданы много лет назад, а после публикации «Основ финно-угорского языкознания» (Москва 1974, 1975, 1976) в трех томах прошло уже почти четыре десятка лет, и они, естественно, для молодого поколения исследователей стали библиографической редкостью. Поэтому как научное сообщество, так и филологические подразделения высших учебных заведений Российской Федерации испытывают большой недостаток в работах подобного рода.

Рецензируемое издание не только успешно восполняет этот пробел, но и знакомит читателя с новейшими достижениями современного финно-угроведения. Автор прослеживает системные сходства и различия современных финно-угорских языков в целях детализированного представления и описания генетически родственных языковых групп. Сравнительный обзор финно-угорских языков выполнен на основе выделения лингвистических единиц на всех уровнях языка и последовательного представления их в рамках очерков, посвященных описанию конкретных языков. Особое внимание уделяется этимологии автоэтнонимов и аллоэтнонимов финно-угорских народов, диалектному членению языков, истории возникновения письменности и литературных форм, фонетическим, морфологическим, синтаксическим и лексическим особенностям каждого языка.

В разделе «Пермские языки» высказана гипотеза о том, что древние пермяне, проживавшие совместно свыше двух тысячелетий, имели общий этноним, который восстанавливается на основе современных автоэтнонимов *коми морт* и *удмурт*. Их компоненты *ко-*

ми и *уд* определяют слово *морт/мурт*, которое и было, вероятно, самоназванием пранарода со значением 'человек, смертный'.

Говоря об истоках финно-угорского родства, автор не ограничивается упоминанием о пионерах финно-угроведения Яноше Шайновиче и Самуэле Дярмати. Он считает необходимым отметить, что на заре истории финно-угроведения родство финно-угорских языков занимало умы не только носителей этих языков, но и выдающихся мыслителей XVIII века, весьма далеких от проблем инородческих языков России. В данном исследовании имеется ссылка на труд М. В. Ломоносова «Древняя российская история от Ярослава Первого до 1054 г.», в котором написано: «Ливония, Эстляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, Черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собой, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала».

В то же время, по мысли автора, в царской России к нерусским народам империи отношение было негативное, государство и православная церковь проводили активную русификационную политику, что сказывалось и на науке: исследовательского интереса к финно-угорским языкам практически не было. Из всего обилия российских высших учебных заведений в одном лишь Казанском университете имелась должность профессора по финно-угорским языкам.

Для рецензируемого труда характерно, что впервые в каждом очерке о языке представлены выражения приветствия и прощания, различные пожелания, короткие связные тексты с переводом на русский язык и списки литературы, которую можно найти в российских библиотеках для самостоятельной работы при изучении языков. Привлекаемые фольклорные и литературные тексты дают элементарную возможность познакомиться с духовной

культурой описываемых финно-угорских народов.

Рецензируемое издание ценно конкретными данными по каждому отдельному языку. Так, в разделе о численности венгров приводятся уточненные цифры по последней переписи о составе венгров, говорящих на родном языке в Венгрии — 10 142 072 человек и 239 751 человек иных национальностей (перепись 1990 г.). Предлагаются любопытные сведения о количестве владеющих венгерским языком в соседних странах: Австрия — 70 тыс., Словакия — 750 тыс., Украина — 220 тыс., Румыния — 2 млн., Сербия — 500 тыс., Хорватия — 10 тыс., США — 600 тыс., Канада — 10 тыс., Израиль — 40 тыс. и др. Автор подчеркивает, что после того как парламент Венгрии в 1844 г. объявил венгерский язык государственным, последний широко функционирует — в школах и вузах, в управлении государством; венгерский язык преподается во многих университетах мира.

В книге красной нитью проходит мысль о том, что в годы советской власти финно-угроведение достигло больших успехов: многие бесписьменные языки получили письменность, что способствовало изучению устного поэтического творчества народа и созданию оригинальной художественной литературы, в школах было введено обучение на родном языке, для подготовки учителей были открыты кафедры родного языка и литературы в национальных регионах, эти кафедры стали впоследствии центрами исследования родных языков, фольклора и литературы.

Автор особо отмечает выдающуюся роль профессора Д. В. Бубриха (1890—1949), который в 1925 г. при Ленинградском университете открыл кафедру финно-угроведения, профессора В. И. Лыткина (1895—1981), возглавившего сектор финно-угорских языков в Институте языкознания АН СССР, профессора Пауля Аристэ (1905—1990), создавшего школу финно-угроведения в Тартуском университете. Аспирантура Тартуского университета в 1950—1990-х годах была подлинной школой подготовки научно-педагогических кадров

для финно-угорских регионов Российской Федерации и Эстонии. Усилиями П. Аристэ с 1965 г. в Таллине издается международный журнал «Советское финно-угроведение», с 1989 г. «Linguistica Uralica». Благодаря деятельности всех этих незаурядных личностей финно-угроведение в XX веке в СССР успешно развивалось; проводились всесоюзные конференции финно-угроведов, исследователи из многих стран раз в пять лет начали собираться на международные конгрессы финно-угроведов, выпускались сборники «Вопросы финно-угроведения», головной Институт языкознания АН СССР координировал научные исследования по финно-угроведению в автономных финно-угорских республиках.

На с. 23 автор справедливо отмечает, что современное финно-угроведение России сдает свои позиции, завоеванные советским языкознанием. Оно развивается в основном на региональном уровне, практически без общероссийских мероприятий в области координации и планирования научных исследований.

На с. 29 автор знакомит с новыми версиями происхождения финно-угорских языков: некоторые ученые подвергают ревизии основополагающие понятия традиционного финно-угроведения о праязыке, родословном древе. Е. А. Цыпанов верен традиционной теории происхождения финно-угорских языков и отвергает эти версии как несостоятельные, не имеющие прочной лингвистической доказательной базы.

В разделе «Владение финно-угорскими народами родными языками» автор с сожалением отмечает, что основной вопросник первой всероссийской переписи 2002 г. не содержал вопроса о том, владеет ли гражданин России родным языком и какой язык считает родным (хотя были вопросы о знании гражданами России русского и иностранных языков(?)). Поэтому автор был вынужден довольствоваться данными еще советского периода (1989 г.).

Говоря о статусе коми-зырянского языка в Коми Республике, автор честно признает, что законодательно с 1992

г. он закреплен на территории как государственный наряду с русским, однако в реальности таковым не является, коми-пермяцкий язык на территории Пермского края и в районах, заселенных коми, такого общественно-правового статуса не имеет. Также минорны высказывания автора о положении других финно-угорских языков в Российской Федерации. На с. 92 говорится о статусе удмуртского языка, объявленного государственным в Республике Удмуртия в 2001 г., но закон о языках в большинстве своих пунктов реально не выполняется. И далее — с. 110: «С 1995 г. марийский язык в Республике Марий Эл является государственным языком, согласно специальному закону, наряду с русским. Однако в реальности марийский язык полностью не выполняет функций государственного языка»; с. 130: «В Республике Мордовия в апреле 1998 г. был принят закон о государственных языках, согласно которому эрзянский и мокшанский языки получают статус государственного, наряду с русским. Однако, в реальности этот закон в отношении большинства пунктов или не выполняется, или реализуется частично»; с. 58: в разделе «Хантыйский язык» автор отмечает не только большую диалектную раздробленность данного языка, но и то, что в литературных вариантах языка орфография в настоящее время характеризуется неустойчивостью, поскольку печатная продукция на основе казымского диалекта оформляется по-разному, не только орфографически, но и с применением разной графики.

В разделе «Мансийский язык» автор обосновано подвергает сомнению наличие в языке грамматической категории артикля, выделяемой как часть речи в некоторых трудах Е. И. Ромбандеевой,

другие исследователи в своих работах тоже оспаривают ее мнение (А. И. Сафинахова, Служебные слова в мансийском языке. Учебное пособие для вузов, Ханты-Мансийск 2006).

Монография «Сравнительный обзор финно-угорских языков» Е. А. Цыпанова представляет собой зеркало современного состояния финно-угорских народов и их языков. Она содержит не только богатый лингвистический, но и социологический материал, характеризующий, большей частью, болевые точки положения финно-угорских народов, проживающих на территории Российской Федерации. Текст монографии подготовлен при организационно-методической помощи Программы по поддержке родственных народов, осуществляемой правительством Финляндии.

В заключении автор поэтически пишет о предмете своего исследования: «Материал всех шестнадцати финно-угорских языков настолько разнообразен и многолик, что еще раз подтверждает общеизвестный тезис о том, что живые языки подобны цветущему лугу с его многоцветной палитрой красок и оттенков».

Рецензируемое издание найдет своего читателя. Оно станет настольной книгой для языковедов, студентов-филологов вузов Российской Федерации, преподавателей высших и средних учебных заведений, для всех, кто интересуется языком и историей финно-угорских народов.

ЕВГЕНИЙ ИГУШЕВ (Ханты-Мансийск)

Address:
Jevgenij Igušev
Ugor State University
E-mail: k_suslov@ugrasu.ru